

МИРЫ
КАССАНДРЫ КЛЭР

КАССАНДРА КЛЭР

Книга вторая

ПРИЗРАКИ
СУМЕРЕЧНОГО
БАЗАРА



Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К51

Cassandra Clare
Ghosts of The Shadow Market
Book II

*Печатается с разрешения авторов
и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA*

Дизайн обложки Ольги Жуковой

Клэр, Кассандра.

К51 Призраки Сумеречного базара. Книга вторая/
К. Клэр; пер. с англ. А. Осипова. — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2019. — 416 с. — (Миры Кассандры
Клэр).

ISBN 978-5-17-116876-6

Пять новых историй из мира Сумеречных охотников и жи-
телей Нижнего Мира. Разные истории. Разные герои. Разные
эпохи — но есть то, что их объединяет. Место — Сумеречный
базар. Здесь можно найти все что угодно для колдовства и ма-
гии. Здесь жители Нижнего мира заключают темные сделки,
делятся тайнами и секретами. И человек — Джем Карстерс,
вписавший немало славных страниц в историю Сумеречных
охотников.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-116876-6

Copyright © 2019 by Cassandra Clare, LLC
© А. Осипов, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Нашим прекрасным читателям

Каким бы ни было ваше физическое тело —
мужским или женским, сильным или слабым,
здоровым или больным, —
все это совсем не так важно, как то,
что заключено в вашем сердце.
Если у вас душа воина, вы — воин.
Какого бы цвета, размера и формы
ни был светильник, пламя, горящее в нем,
остается все тем же.
И это пламя — вы.

Кассандра Клэр, Робин Вассерман

Нечестивцы

Париж, 1989 год

Среди Сумеречных охотников поговаривали, что невозможно узнать, что такое истинная красота, если не видел блистающие башни Аликанте. А еще — что ни один город на земле не сравнится с его чудесами. И что Сумеречный охотник чувствует себя по-настоящему дома только там и нигде больше.

Если бы кто-то спросил, что по этому поводу думает Селин Монклер, она бы сказала, что тот, кто так говорит, явно никогда не бывал в Париже.

Она могла бы воспеть готические шпили, пронзающие облака, мощные брусчаткой улицы, лоснящиеся под дождем, пляску солнечных бликов на волнах Сены, и, *bien sûr*¹, бесконечное разнообразие сортов сыра. Она бы заметила, что Париж был домом для Бодлера и Рембó, Моне и Гюгена, Декарта и Вольтера, что этот город изобрел совершенно новый способ говорить, видеть,

¹ Конечно (*фр.*)

думать, быть — способный даже самых обычных людей хоть немного приблизить к ангелам.

Париж был во всех отношениях *la ville de la lumière*. Город света. Если вы спросите меня, сказала бы вам Селин, ничего красивее просто быть не может.

Но ее никто никогда об этом не спрашивал. Мнение Селин Монклер никого не интересовало. Ни по какому вопросу.

До этих самых пор.

— Ты уверена, что нет какой-нибудь руны, способной удерживать этих мерзких тварей подальше? — спросил Стивен Эрондейл сквозь обрушившийся на них сверху шум крыльев.

Он увернулся и наугад сделал выпад в сторону пернатого противника.

Стая голубей пронеслась дальше, так и не напав. Селин шуганула отставших, и Стивен вздохнул с облегчением.

— Ты — мой герой, — сказал он.

Селин почувствовала, что щекам стало горячо. Тревожный знак. У нее всегда была эта ужасная проблема: она мгновенно краснела. Особенно в присутствии Стивена Эрондейла.

— Великий воин из рода Эрондейлов боится голубей? — поддразнила она, надеясь, что он не обратил внимания, как дрогнул ее голос.

— Не боится. Всего лишь проявляет разумную осторожность по отношению к существам возможно демонического происхождения.

— Демонические голуби?

— Я отношусь к ним с большим подозрением, — ответил Стивен с максимальным достоинством, доступным голубефобу, и постучал по ви-

НЕЧЕСТИВЦЫ

сящему у него на поясе длинному мечу. — И, между прочим, великий воин всегда готов сделать то, чего потребует ситуация.

Еще одна стая голубей поднялась с мостовой. Воздух наполнился трепетом крыльев, перьями и пронзительными воплями Стивена.

Селин расхохоталась.

— О, я вижу! Воистину, ты бесстрашен перед лицом опасности. Если только на этом лице нет клюва.

Стивен обжег ее яростным взглядом. Пульс Селин заплясал. Кажется, она перегнула палку? Но тут Стивен ей подмигнул.

Иногда она желала его так сильно, что сердце едва не взрывалось.

— Ты уверена, что мы все еще движемся в верном направлении? — спросил он. — По-моему, мы ходим кругами.

— Доверься мне.

Стивен галантно прижал руку к сердцу.

— *Bien sûr, mademoiselle*¹.

Если не считать исполнения главных ролей в ее мечтах, Стивен не показывался на горизонте Селин с тех пор, как четыре года назад окончил Академию. Тогда он едва ее замечал — был слишком занят тренировками, девушкой, друзьями из Круга, чтобы обращать внимание на худышку, провожавшую глазами каждый его шаг. Но сейчас-то, краснея думала Селин, они почти равны. Да, ей семнадцать лет, еще студентка, а ему уже двадцать два года. Он уже взрослый. Доверенный помощник Валентина Моргенштерна в Круге —

¹ Разумеется, сударыня (*фр.*)

группе избранных молодых Охотников, поклявшихся очистить Конклав и вернуть ему древнюю славу. Но теперь Селин тоже была в Круге, и выбрал ее сам Валентин.

Валентин учился в Академии вместе со Стивеном и другими основателями Круга, но в отличие от них молодым никогда не казался. Большинство студентов и преподавателей считали компанию, с которой он водился, безобидной и странной лишь тем, что полночные дебаты о политике они явно предпочитали вечеринкам. Но Селин уже тогда понимала, что Валентин именно таким и хочет казаться — безобидным. Внимательному наблюдателю открывалось другое. На самом деле он был неистовым воином с неистовым разумом. Стоило ему устремить на кого-нибудь взгляд черных как чернила глаз, и жертву было уже не спасти. В свой Круг молодых Охотников он собирал тех, кто отличался не только способностями, но и верностью. Лучших, как сказал он сам, внезапно заговорив с Селин на особенно скучной лекции по истории Нижнего мира.

— *Каждый член Круга — личность исключительная. Это касается и тебя. Если примешь мое предложение.*

Никто и никогда еще не называл ее исключительной.

И с тех пор она чувствовала себя другой. Сильной. Особенной. Наверное, это действительно было так, потому что до выпуска еще целый год, а между тем вот она, Селин, — проводит летние каникулы на официальном задании со Стивеном Эрондейлом. Стивен был одним из величайших бойцов своего поколения, а теперь (спасибо Лю-

циану Греймарку и злосчастному «происшествию с вервольфом») и главным доверенным лицом Валентина. Зато Селин знала Париж, его всем известные улицы и тайные переулки. Отличный случай продемонстрировать Стивену, что она уже не та, что была. Что она изменилась, стала исключительной. И у него без нее ничего не получится.

Вообще-то это были его слова. «Без тебя у меня не получится, Селин».

Ей нравилось, как ее имя слетает с его губ. Ей нравилось в нем все: голубые глаза, сверкавшие, как море на *Côte d'Azur*¹. Почти белые волосы, мерцавшие золотом, как интерьеры Парижской оперы во дворце Гарнье. Изгиб шеи, тугие мускулы, гладкие линии тела, будто изваянного Роденом, — образец мужского совершенства. Он даже умудрился еще похорошеть с тех пор, как они встречались в последний раз.

А еще он успел жениться.

Об этом она старалась не думать.

— Может, прибавим шагу, а? — проворчал Роберт Лайтвуд. — Чем скорее мы с этим покончим, тем скорее вернемся к цивилизации. И к кондиционерам.

О Роберте она тоже старалась не думать. Нелегко вообразить, что у вас со Стивеном романтическая прогулка при луне, когда рядом все время кто-то брюзжит.

— Чем быстрее мы пойдем, тем сильнее ты вспотеешь, — заметил Стивен. — А этого никто не хочет, уж поверь мне.

¹ Лазурный берег (фр.)

В августовском Париже было градусов на десять жарче, чем в преисподней. Даже ночью воздух был похож на одеяло, вымоченное в горячем супе. Предосторожности ради они оделись не как Сумеречные охотники, а как обычные люди, и выбрали одежду с рукавами подлиннее, чтобы прикрыть руны. Белая футболка, которую Селин выдала Стивену, уже промокла насквозь... хотя это было не так уж и плохо.

Роберт снова что-то пробурчал. В Академии Селин помнила его другим. Тогда он тоже был немного зажат и резок, но никогда не был жестоким. Сейчас в его глазах появилось что-то новое, и Селин это новое решительно не нравилось. Что-то ледяное... И оно слишком напоминало ей отца.

Стивен говорил, что Роберт вроде бы поссорился со своим парабатаем и теперь пребывал в предсказуемо раздраженном настроении.

— Это Роберт во всей красе, — как-то прокомментировал он. — Отличный боец, но позер. Беспокоиться не о чем.

Но Селин всегда беспокоилась.

Они поднялись на последний холм улицы Муфтар. Днем это была одна из самых многолюдных торговых улочек Парижа: фермерские продукты, разноцветные шарфы, продавцы фалафеля, киоски с мороженым джелато и толпы невыносимых туристов. Ночью тут все было закрыто и тихо. Париж — торговый город, но все его рынки и базары ночью отправлялись на покой. Все, за исключением одного.

Селин повела их за угол, и дальше, по еще одной узкой и извилистой улице.

— Мы почти пришли.

НЕЧЕСТИВЦЫ

Она старалась, чтобы в ее голосе не было слышно радостного предвкушения: Роберт и Стивен доходчиво объяснили ей, что Круг не одобряет Сумеречные базары. Жители Нижнего мира разгуливают там вперемешку с простецами, незаконные товары переходят из рук в руки, тайны свободно покупаются и продаются? Ну уж нет. Валентин объявил все это недостойными последствиями слабости и коррумпированности Конклава. Когда Круг придет к власти, заверил ее Стивен, все Сумеречные базары будут навсегда закрыты.

Селин всего несколько месяцев провела в Круге, но уже успела выучить простой урок: если Валентин что-то ненавидит, ее долг чувствовать то же самое.

И она очень старалась.

* * *

Сумеречный базар не обязательно должен находиться в месте, богатом темной энергией и настоящим на крови жестокого прошлого. Но вообще-то это очень помогает.

Париж всегда предоставлял для этого массу возможностей. Это город призраков, в большинстве своем недобрых. То одна революция, то другая, залитые кровью баррикады, головы, катящиеся из-под ножа гильотины, Сентябрьская резня 1792 года, Кровавая неделя в 1871-м, сожжение Тюильри, Террор... Ребенком Селин не одну бессонную ночь бродила по городу, вызывая из прошлого призрачные картины его грандиозных жестокостей. Ей нравилось воображать крики, до-

носящиеся сквозь столетия. Так она чувствовала себя менее одинокой.

Не самое обычное детское увлечение, она и сама это понимала.

Но детство у нее тоже было не самое обычное. Она выяснила это, только когда прибыла в Академию, где впервые увидела Сумеречных охотников своего возраста. В тот день весь первый курс только и щебетал об идиллической жизни в Идрисе, Лондоне, Нью-Йорке и Токио, о бешеных скачках по Броселиандской равнине, о тренировках под любящим взглядом родителей и институтских наставников. Короче, идиллия царилла везде, где ее, Селин, не было. Через некоторое время она перестала слушать и ускользнула незамеченной — горькая зависть не позволила ей остаться. Равно как и перспектива рассказывать о себе.

Она выросла в провансальском замке своих родителей, окруженном яблоневыми садами, виноградниками и лавандовыми полями. *La belle époque*¹, одним словом!

Селин знала, что родители любили ее — они много раз ей об этом говорили.

— Мы поступаем так, потому что любим тебя! — говорила мама, запирая ее в подвале.

— Мы поступаем так, потому что любим тебя! — говорил папа перед тем, как отхлестать ее кнутом.

— Мы поступаем так, потому что любим тебя! — говорили они, спуская на нее демона-дракона.

¹ Прекрасная эпоха (фр.)

НЕЧЕСТИВЦЫ

Это они говорили и тогда, когда бросили ее, восьмилетнюю и безоружную, в лесу, полном вервольфов.

Так родители учили ее тому, что у слабости, неуклюжести и страха всегда есть последствия. Кровавые последствия.

В первый раз она сбежала в Париж, когда ей было восемь лет. Слишком юная, чтобы верить, будто она сможет исчезнуть навсегда. Она отыскала дорогу к *Arènes de Lutèce*¹, остаткам римского амфитеатра первого века новой эры — самым, наверное, старым в городе руинам, омытым кровью. Две тысячи лет назад гладиаторы бились здесь не на жизнь, а на смерть на потеху веселой, жаждущей крови толпы — пока и толпу, и арену не смели не менее жадные до крови орды варваров. Потом здесь было кладбище, а сейчас — еще одна ловушка для туристов, куча камней, на которую скучающие школьники и смотреть не хотят. Но это днем.

А под луной это место так и кишело обитателями Нижнего мира. Вакханалия волшебных вин и фруктов; заколдованные горгульи; вальсирующие вервольфы; вампиры в беретах, рисующие портреты кровью; ифрит-аккордеонист, способный заставить тебя умереть, истекая сладкими слезами. Это был Парижский Сумеречный базар, и Селин сразу почувствовала себя здесь дома.

В первый раз она провела тут две ночи: обходила все лавки подряд, познакомилась со стеснительным щенком-вервольфом, утолила голод крепком с «Нутеллой», который, не задавая вопросов,

¹ Арена Лютеции (*фр.*)